

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://griboyedov.ru/> Приятного чтения!

Александр Сергеевич Грибоедов: об авторе

Грибоедов, Александр Сергеевич -- знаменитейший из русских драматургов, родился в Москве 4 января 1795 г. Его первые же впечатления показали ему ту затхлую среду старого барства, чьим смелым обличителем он выступил со временем. Ребенком видел он вокруг себя спесивые и самодовольные лица фамусовых, Хлестаковых, Хрюминых. Это были родные или светские знакомые его матери, постоянно стремившейся скрыть стесненное свое положение, запутанное беспорядочностью ничтожного мужа, блюсти традиции рода, восходившего к выехавшим из Польши дворянам и украшенного именами многих допетровских сановников, не отставать ни в чем от избранного общества и при помощи связей обеспечить хоть для детей блестящее будущее. Властная и честолюбивая, она способна была изломать жизнь детей, насиловать их природу, попирает их волю и склонности, лишь бы выполнить свой план выхода из захудалого состояния. Но, превышая умом, пониманием духа века и культурными вкусами большинство своих сверстниц, она знала, что, кроме старомодных торных дорог, в александровское время к карьере вели, иногда гораздо скорее и успешнее, новые пути, где родовитость опиралась на просвещение. Не расставаясь со своими заветными идеями и не выходя из замкнутого круга столбового дворянства, она захотела показать на воспитании детей пример разумного пользования новизной. В ее доме, кроме языков, процветала музыка; гувернерами Александра и его сестры Марии были образованные иностранцы --Петрозилиус, затем Ион; профессора университета приглашались для частных уроков. Мальчик много прочел дома, и явно, и втайне; от шалостей и проказ, в которых рано сказался его горячий, непокорный нрав, он переходил к усиленному, страстному чтению, совсем захватывавшему его.

Ни мать, ни брат ее, пользовавшийся неограниченным влиянием в доме, как человек с большими связями и знанием света (впоследствии у него взяты были главные черты для фамусова), не могли бы отгадать, что происходило в пытливом уме мальчика, которого они так неуклонно направляли, казалось, в духе кастовых преданий, рано вводя его в круг будущих покровителей, знатных или "случайных" людей. Он многое понял, во многом усомнился из того, что ему навязывали как незыблемые основы житейской мудрости, и с трудом выносил гнет любящей, но своенравной и непреклонной матери. Университетский Благородный пансион был первой его школой. Умственное пробуждение довершил университет. Он подействовал и сближением с молодежью, которое все-таки состоялось, вопреки присмотру, и разнообразием научных интересов, развившихся благодаря свободе, с которой студент-юрист мог слушать любые курсы на других факультетах, и личным влиянием наиболее даровитых профессоров. Если некоторые из них, вроде Шлецера, были полезны по обстоятельности фактических сведений, которые они сообщали, приобщивая к самостоятельной работе (Грибоедов навсегда сохранил любовь к занятиям историей, объясняющую и в его комедии возврат мысли к старине, здоровой и цельной, -- а также к экономическим наукам), то бывший геттингенский профессор Буле, разносторонний, с натурой пропагандиста и умением отгадывать дарования и склонности юношей, подействовал на все развитие Грибоедова, оценил и выдвинул его из толпы, расширил его горизонт, занимался с ним приватно, придал ему особый интерес к мировой литературе и прежде всего к драме, которой сам специально занимался, и, начиная с Плавта, Теренция и кончая Мольером и позднейшими французскими комиками, побудил его познакомиться с выдающимися произведениями драматического творчества. Участвуя (по преданию) в то же время и в студенческих спектаклях, бывших тогда чуть не постоянным учреждением, Грибоедов, таким образом, вынес из университета подготовку к тому виду писательской деятельности, который прославил его. Даже его студенческие литературные опыты, или, скорее, шалости, получали драматическую форму. Такова не дошедшая до нас пародия на "Дмитрия Донского"; такова и попытка (о которой свидетельствует один из его товарищей) набросать из действительной жизни несколько юмористических сценок, в которых выведены были бы домашние и родные, весь дыдин кружок, но не в парадных, а в закулисных нарядах и поступках. Этот, также утраченный, набросок можно считать первой редакцией "Горя от ума", которое с той поры не растает более с Грибоедовым, отражая на себя все переходы и изменения в его развитии. Годы, проведенные в университете, в связи с домашней подготовкой и обширным чтением, были для Грибоедова такой серьезной подготовкой к жизни, что по образованности он превосходил всех своих сверстников в литературе и обществе. С годами разрастался и его эрудиция, и знакомство с всемирной словесностью, начавшееся под влиянием Буле в несколько одностороннем, ложноклассическом направлении, но

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru впоследствии свободно охватившее все, что было живого и сильного в поэзии всех времен и школ -- и Шекспира, и Байрона, и романтиков. По мере того как шло вперед его развитие и вместе с тем росло критическое отношение к окружающей действительности, для Грибоедова становилась все тягостнее зависимость от нее и будничная проза жизни, давно уже для него предназначенная. В позднейшем официальном документе он сам свидетельствует, что готовился уже к экзамену на степень доктора, когда неприятель вторгся в Россию. Во всем своеобразный, он любил родину искреннее множества современников, суетливо выставлявших на вид свой казенный патриотизм; ему казалось постыдным не принять участия в национальной обороне, да и жажда полной жизни, с подвигами и опасностями, влекла его в ряды войска. Вместе с тем задуманный им перелом в своей судьбе избавлял его, хоть на время, от семейных и светских отношений, среди которых он задыхался, и сулил свободу личной жизни, постоянно подавляемой бдительным надзором и попечением. Не без противодействия со стороны домашних он настоял на своем и записался волонтером в полк, набиравшийся графом Салтыковым. Но пока организовался этот отряд, Наполеон успел покинуть Москву, а затем и Россию. Поэзия самоотвержения для отечества не могла уже больше увлекать Грибоедова, с тех пор как оно избавилось от нашествия и само готовилось предписывать законы Европы. Но он не вернулся в Москву, чтобы снова зажить с Фамусовыми и Загорецкими, и предпочел чиновничьей карьере мало привлекательную, по-видимому, но все же обещающую независимость кавалерийскую службу в глухих закоулках Белоруссии. Здесь, сначала в иркутском гусарском полку, потом в штабе кавалерийских резервов, провел он с лишком три года. То был искуc, который нелегко было пережить. Сначала Грибоедов, так долго сдерживаемый, страстно отдался увлечениям и шалостям, составлявшим главную прелесть старинного гусарства, и не отставал от товарищей в самых бурных затеях. Все усвоенное в пору студенчества как будто отодвинулось куда-то на самый дальний план, и та проза, от которой спасся было Грибоедов, втягивала его в свою тину. Но чад рассеялся, страсти поулеглись; некультурность, отсталость и грубость новой среды выказались в настоящем свете; книга, размышление, мечты и творчество снова явились единственным прибежищем. В Бресте-Литовском, где Грибоедов был прикомандирован к штабу резервов и состоял при гуманном и образованном генерале Кологривове, эти вновь пробудившиеся в нем вкусы встретили поддержку, сначала в незатейливом, но прямодушном и честном малом, его товарище Бегичеве, также тяготившемся пустотой гусарской жизни, потом и в группе штабных офицеров, скрашивавших свои досуги дилетантскими упражнениями в словесности, в особенности писанием стихов, сочинением и переводом театральных пьес. Здесь Грибоедов снова берет за перо, посылает в Москву, в "Вестник Европы", свои первые статьи ("О кавалерийских резервах" и "Описание праздника в честь Кологривова", 1814) и оканчивает перевод пьесы "Le secret du menage", названной им "Молодые супруги". Он еще плохо владел слогом, не решался нарушать прелестными остроумными вольностями, которыми и тогда отличался его разговор, чопорность псевдоклассического диалога; его первый опыт для сцены оставляет многого желать, хотя, как показала новейшая попытка возобновить пьесу, она смотрится и теперь не без интереса. Решительный поворот к вкусам первой молодости привел его, наконец, к сознанию, что дольше оставаться в армии он не должен, что только в другой среде и с другими людьми может он проявить свои дарования. Побывав в 1815 г. в Петербурге, завязав там литературные связи и знакомства и подготовив свой переход в коллегию иностранных дел, он в марте 1816 г. вышел в отставку. Военный эпизод, врезавшийся каким-то странным клином в его биографию, был теперь позади. Тяжело, совестно было вспоминать об этих молодых годах, совсем загубленных; зато запас наблюдений над жизнью и людьми значительно обогатился.

фигуры Скалозуба, его "крепко зараженного теперешним столетием" двоюродного брата, Горячева, Репетилова (прототипом которого был товарищ-офицер) создались потом под непосредственным воздействием встреч и отношений ранней молодости. Даже в жизнеописании Чацкого (насколько его можно построить по данным, представляемым комедией и не совсем выдержанным хронологически) мы можем предположить краткий период увлечения военной службой, оставившего также после себя осадок горькой иронии. Переезд в Петербург имел важное значение для Грибоедова; после начинавшегося уже, по его словам, одичания в глуши Белоруссии и Литвы, он не только возвратился снова в культурную жизнь, но вошел в такой круг развитых, благородно мыслящих и любящих родину людей, которого до той поры он и не ведал. Начиналось томительное послесловие героических лет Отечественной войны и войн за освобождение Европы; навстречу поднимавшейся реакции выступали и группировались свежие, даровитые силы молодого поколения, воспитавшегося в лучшую пору александровского царствования. То в форме возродившихся масонских лож, то в виде интеллигентных кружков и салонов, под конец перейдя к организации

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru тайных обществ, с целями общественного возрождения, эта молодежь стремилась во что бы то ни стало порвать с рутиной и застоем и грезил о светлом будущем. К ней рано примкнул и Грибоедов, только что вступивший и в чиновничий мир, и в петербургский большой свет, и в закулисные уголки театра (куда манили его и сердечные увлечения, и любовь к сцене), и в круг литераторов. Многие еще в нем должно было казаться стороннему наблюдателю неустановившимся. Он мог терять время на такие безделки, как перевод французской пьесы "Придворная неверность" или пародия на авторские приемы Загоскина ("Лубочный театр"); за кулисами, вероятно, он многим казался одним из покладистых поставщиков бенефисных новостей, не первого притом разбора, потому что слог его оставался тяжелым. В литературе он также не определил своих отношений к спорившим тогда школам классиков и романтиков, сближаясь и с членами шишковской "Беседы", и с Пушкиным и его друзьями. Когда долго казавшийся, да и не одному Грибоедову, авторитетным судьей Катенин перевел балладу Бюргера "Ленора", считавшуюся предвестием романтизма, Грибоедов печатно выступил на защиту приятельского перевода. С другой стороны, он вместе с тем же Катениным написал комедию "Студент", где в лице героя пьесы, экс-семинариста Беневоляского, осмеял, впадая иногда в карикатурное преувеличение, вычурные сентиментальности и романтизма. В этом смешении школ и взглядов не все указывало, однако, на шаткость начинающего писателя; уже здесь проявлялась та независимость, с которой Грибоедов впоследствии занял место среди главных направлений, заявляя, что "как живет, так и пишет свободно". Он появлялся и в свете, где его меткое, но холодное и строгое остроумие удивляло и смущало, внушая собеседникам ложное представление об озлобленности его ума, -- по свидетельству Пушкина, мешая им разгадать в нем необычайно даровитого, быть может, великого человека. На хорошем счету был он в своей коллегии, и заветная мечта матери видеть его дипломатом сбывалась. Но той внутренней работы, что происходила в нем, почти никто не подозревал. Человек, все теснее сближавшийся с лучшими из будущих декабристов, считавший впоследствии в числе друзей своих Александра Одоевского, Чаадаева и Рылеева, мог еще в своих литературных работах возделывать несколько старомодные формы, но все смелее предьявлял свой протест против современного строя вещей. Его исторические симпатии способны были указать ему (как Рылееву, в его "думах") величие и мужество в старине, чьим примером следует вдохновлять новые поколения. Таков замысел дошедшей до нас лишь в виде сценария драмы из Отечественной войны, изображавшей, наряду с чертами народного героизма, и "разные мерзости", тогда как ночью в Архангельском соборе слетаются тени великих Россиян, скорбят о гибели отечества и молят небо о его спасении. Но еще дороже было для Грибоедова непосредственное вмешательство в злобу дня -- и из ранних юношеских лет всплывает тогда покинутый было совсем замысел "Горя от ума", из пересказа московского пикантного анекдота превращаясь в более стройное целое, очевидно, имевшее уже целью сатирическое освещение всей жизни высшего общества. Это -- вторая редакция комедии, также не дошедшая до нас, но засвидетельствованная показаниями лиц, слышавших чтение ее автором, известная и по переменам, сделанным в ней для третьей и заключительной редакции (например, по устранению из числа действующих лиц жены Фамусова). Более зрелая по замыслу и общественному значению, она, конечно, и написана была живо и остроумно. В этом убеждают успехи, сделанные тем временем Грибоедовым в выработке стиха и свободно движущегося диалога. В пьесе "Своя семья, или Замужняя невеста", написанной им в складчину с Шаховским и Хмельницким, Грибоедову принадлежат пять явлений второго акта, поражающие, в этом отношении, сравнительно с первыми опытами; типический "грибоедовский" стих уже родился. Точно так же и в прозаической комедии "Студент" -- насколько можно различить то, что принадлежит в ней Грибоедову -- есть живые бытовые черты (крепостничество большого барина Звездова, молчалинская вкрадчивость Беневоляского, гусарские ухватки Саблина). С какой же заботливостью должна была отделяться, даже в мелочах, любимая пьеса Грибоедова! Но еще не суждено было автору закончить ее; его первый петербургский период, полный увлечений, шалостей, серьезных помыслов и постоянно прогрессирующей литературной работы, внезапно обрывается. Участие Грибоедова, в качестве секунданта, в возмутившей всех, по ожесточению противников, дуэли Шереметева с Завадовским, едва не испортило его служебного положения, тем более что стало известно, что предположена была вслед за тем и дуэль между секундантами. Мать Грибоедова настойчиво требовала временного удаления его из Петербурга, чтобы дать улечься толкам и пересудам и смягчить гнев начальства. Тщетно протестовал он, отговаривался, уклонялся; все было пущено в ход, и место секретаря посольства в Персии было за ним обеспечено помимо его воли. С неподдельной грустью покидал он отечество, друзей и любимую женщину. Через несколько месяцев, после умышленно замедленного путешествия по России и Закавказью, отдалающего по возможности начало этой почетной ссылки, Грибоедов въезжал в Тегеран (4 марта 1819 г.),

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru понемногу приглядываясь к восточным нравам, типам и порядкам, порой напоминавшим ему, при всем его сочувствии русской старине, древнерусские. Не пришлось ему остаться в столице шаха; поездки по Персии провели Грибоедова и по развалинам, напоминавшим о героическом прошлом персов, и по горным и степным захолустьям, сводили его с поэтами, дервишами, придворными, мелкими владетельными князьками, и, наконец, привели его в Тавриз, где в полном затишье "дипломатического монастыря" Грибоедов провел значительную часть своей первой службы на Востоке.

Обязанности были несложные, главным образом, сводясь к отражению интриг Аббаса-мирзы, при котором собственно и состояли европейские посольства. Ни русские сослуживцы, ни иностранные дипломаты не могли понять запросов и разнообразных интересов Грибоедова. Он ушел в себя: то усиленно занимался восточными языками (персидским и арабским), то читал, или же с непонятной для него самого легкостью и плодovitостью работал снова над своей комедией, удивляясь, что там, где у него нет никаких слушателей, стихи так и льются. Наедине со своими думами он глубже вник в смысл избранной им фабулы; возвел характеры, первоначально набросанные с натуры, до значения типических образов (списки мнимых оригиналов его действующих лиц не заслуживают доверия); расширил и поднял значение среды; внес изображение пустой светской толпы, бессмысленно и нетерпимо выступающей против знания, гуманности, свободы; из лучших свойств единомышленников и друзей сложил типический характер Чацкого; сделал его защитником прогресса и национального самосознания перед лицом торжествующей реакции. Как человек многосторонне начитанный, он не мог не испытать известного влияния образцов; злая сплетня о мнимом безумии Чацкого несколько напоминает мечь абдеритов Демокриту в повести Виланда "Geschichte der Abderiten"; Мольеровском "Мизантропе" своей характеристикой Альцеста, тонко придуманным сочетанием разочарования его в людях с увлечением кокеткой, которую он надеется спасти и поднять до своего уровня, даже некоторыми отдельными стихами (например, заключительными словами Чацкого) еще более повлиял на "Горе от ума"; но возбуждение и поддержка, оказанные такими образцами, определили только часть творческой работы, которая вся была выношена, выстрадана, написана кровью сердца. В Тавризе были вчерне окончены первые два акта комедии, в ее третьей и последней редакции. Деловые поручения побуждали по временам Грибоедова к поездкам в Тифлис; однажды он вывез из Персии и возвратил на родину целую толпу несчастных, едва прикрытых лохмотьями русских пленных, несправедливо задержанных персидскими властями. Это неустрашимо выполненное предприятие обратило на Грибоедова особенное внимание Ермолова, сразу разгадавшего в нем редкие дарования и оригинальный ум, и пожалевшего, что такому человеку приходится скучать и вянуть в глухой и невежественной стране. Это совпадало вполне с разгоравшимся все сильнее желанием Грибоедова вырваться на свободу из "печального царства" (*triste royaume*), в котором "не только ничему не научишься, но еще забудешь то, что прежде знал". Ермолов добился, наконец, назначения Грибоедова секретарем по иностранной части при главнокомандующем на Кавказе. С переезда его в Тифлис снова оживился и сам он, и успешнее стала подвигаться вперед комедия. Оба начальных акта были закончены и набело переписаны в Тифлисе. Среди официальных занятий, памятных записок и проектов, которых всегда ожидали от Грибоедова как от специалиста по Востоку, медленно писались последние два действия -- и не по недостатку вдохновения, а по осознанной самим автором неполноте его сведений о современном столичном обществе, успевшем, как слышал он, во многом измениться, хоть и не к лучшему, за пять лет (1818 -1823), проведенных Грибоедовым вдали от него. Необходимо было для пользы комедии снова окунуться в московский большой свет; отпуск, сначала краткий, потом продленный и в общем охвативший почти два года, привел Грибоедова к желанной цели. Радость свидания с друзьями увеличивалась возможностью, благодаря им, наблюдать жизнь. Не было общественного собрания в Москве, где бы не показывался Грибоедов, прежде избегавший всех подобных сборищ; со множеством лиц он познакомился тогда, потом на лето уехал к Бегичеву в его имение, с. Дмитриевское Ефремовского уезда Тульской губернии, и там, уединяясь для работы на полдня и читая затем написанное своему другу и его жене, он летом 1824 г. окончил "Горе от ума" и вернулся с рукописью его в Москву, посвятив в свою тайну только сестру. Пустая случайность огласила на весь город появление беспощадной сатиры, направленной, как говорили, против москвичей вообще и влиятельных людей в особенности. Сохранить рукопись в тайне было невозможно, и Грибоедов изведal на себе "славы дань"; наряду с восторгами слышались ропот, брань, клевета; люди узнавали себя в портретах, увековеченных комедией, грозили дуэлью, жаловались местному начальству, ябедничали в Петербург. По словам самого Грибоедова, с той минуты, как приобрело такую гласность его заветное произведение -- о судьбе которого он сначала не гадал, зная, что тяжелые цензурные условия не допустят его на

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru

сцену, и в лучшем случае мечтая лишь о его напечатании -- он поддался соблазну слышать свои стихи на сцене, перед той толпой, образумить которую они должны были, и решил ехать в Петербург хлопотать о ее постановке. С сожалением расставался он с лучшими украшениями пьесы, урезал, ослаблял и сглаживал, сознавая, что в первоначальном своем виде "Горе от ума" было "гораздо великолепнее и высшего значения", чем теперь, в "суетном наряде, в который он принужден был облечь его". Но это самопожертвование было тщетно. Враждебные влияния успели настолько повредить ему в правящих сферах, что все, чего он мог добиться, было разрешение напечатать несколько отрывков из пьесы в альманахе Булгарина "Русская Талия" на 1825 г., тогда как сценическое исполнение было безусловно запрещено, причем запрет безжалостно был распространен и на келейный спектакль учеников театральной школы (в том числе известного впоследствии П. Каратыгина), желавших хоть где-нибудь дать возможность автору увидеть свое произведение в лицах. Нападки старомодной критики, часто являвшейся выражением озлобленных светских счетов; ропот задетых комедией или вообще ратовавших за приличие и нравственность, будто бы ею оскорбленную; враждебность властей, не выпускавших на волю ни печатного, ни сценического текста комедии и тем самым вызвавших беспримерную ее распространенность в десятках тысяч списков; наконец, непосредственные впечатления реакции, обрушивавшейся и на него лично, и на все, что ему было дорого, -- все это сильно подействовало на Грибоедова. Веселость его была утрачена навсегда; периоды мрачной хандры все чаще посещали его; теснее прежнего сблизился он с передовыми людьми в обществе и литературе и, по-видимому, был посвящен во многие из их планов и намерений. Если в эту пору им написано несколько стихотворений (преимущественно из природы и жизни Кавказа), и даже вместе с князем Вяземским -- небольшая пьеска: "Кто брат, кто сестра" (приключение на станции, с переодеванием молодой девушки в офицерский мундир как главным эффектом), то эти мелкие работы, в которых лишь изредка мелькнет изумительная талантливость автора, как будто и написаны только, чтобы чем-нибудь наполнить душевную тревогу и разогнать тоску. Когда пришлось возвращаться в Грузию, Грибоедов выбрал опять окольный путь, побывал в Киеве и в Крыму, в путевых записках оставил живой след своей любознательности и начитанности по вопросам истории и археологии, и художественного отношения к природе, приближался уже к цели своего путешествия и съехался с Ермоловым, когда до него дошла весть о событиях 14 декабря, в которых участвовало столько близких ему людей, чьим идеям он сочувствовал, сомневаясь лишь в своевременности переворота. Вскоре прислан был фельдъегерь, с приказом немедленно доставить его в следственную комиссию. Ермолов успел предупредить Грибоедова, и все компрометирующие бумаги были уничтожены. Снова совершив путь на север, навстречу ожидавшей его участи, Грибоедов нашел даже в числе следователей и крепостного начальства людей высоко ценивших его талант и готовых выгородить и спасти его. По совету одного из них, он в ответах на вопросные пункты заменил первоначальное заявление своих убеждений неведением. В июне 1826 г. он был выпущен на свободу и должен был опять возвращаться на свою службу, ни в чем не пострадавшему от возникшего подозрения и ареста. Но возвращался уже другой человек. Только ближе знавшие Грибоедова догадывались, что творилось под сдержанной, деловой внешностью, которую он усвоил теперь себе; только они знали, какой грустью томился он, как жалел о своих несчастных товарищах, как осиротел без них; только они, взглянув "на его холодный лик", видели на нем "следы былых страстей" и вспоминали (как это сделал Баратынский в прекрасном стихотворении к портрету Грибоедова), что так иногда замерзает бушевавший прежде водопад, сохраняя и в оледенелом своем состоянии "движенья вид". Литературная деятельность, по-видимому, прекратилась для Грибоедова навсегда. Творчество могло бы осветить его унылое настроение; он искал новых вдохновений, но с отчаянием убеждался, что эти ожидания тщетны. "Не знаю, не слишком ли я от себя требую, -- писал он из Симферополя, -- умею ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня с избытком найдется что сказать, за что я ручаюсь; отчего же я нем?" Жизнь казалась ему бесконечно томительной и бесцветной; "не знаю, отчего это так долго тянется", -- восклицал он. Чтобы наполнить ее сколько-нибудь полезным трудом, он с большим рвением занялся деловыми обязанностями.

При новом главнокомандующем, Паскевиче, женатом на его двоюродной сестре, можно было еще более рассчитывать на практическое применение проектов, зарождавшихся у Грибоедова. Он никогда не примирился с "барабанным просвещением", которое мы водворяли на Кавказе, и ждал той поры, когда русское владычество принесет краю культуру и свободное развитие народных сил. Заинтересованный еще в университете общественными науками, он прилагал теперь их приемы к изучению местной жизни, юридических обычаев, торговых отношений, народного хозяйства в широком смысле слова. Его разнообразные "записки" по вопросам этого рода остались любопытным

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru доказательством его редких способностей и к практической деятельности; в основе их всегда лежало стремление сочетать выгоды государства с возможно большим простором для быта народностей, чьи вековые традиции сталкивались с официальным русским строем. Неохотно возвратился Грибоедов на Кавказ и серьезно думал об отставке, быть может, и о продолжительной поездке за границу; только усиленные просьбы матери и в особенности искусно разыгранная ею сцена в часовне Иверской Божией Матери, где перед иконой Настасья Федоровна взяла с сына клятву исполнить то, чего она попросила, заставили его продолжать службу. Но раз это было сделано, и повседневная работа началась, он считал долгом чести влагать в нее все свое умение и знания. Необходимо было принимать участие в военных начинаниях, сопровождая войска во время экспедиций в горы, или же, когда началась русско-персидская война 1827 -- 28 гг., присутствуя при всех делах, схватках и сражениях; бесстрашный, приучивший свои нервы к свисту пуль и ядер, он здесь совершал тот же подвиг самоотречения и, возмущаясь против узаконенного войнами истребления людей, усилием воли сдерживал протест, вырывавшийся из груди. По окончании кампании он снова, по тонкому знанию людей и порядков в Персии, был необыкновенно полезен во время переговоров о мире. Когда, разбитый наголову под Нахичеванью, Аббас-мирза просил о прекращении военных действий, Грибоедов был послан в персидский лагерь и после многих усилий добился выгодного для России Туркманчайского договора, принесшего ей и значительную территорию, и большую контрибуцию. Уступки эти были сделаны персами против воли, по необходимости; сквозь витиеватые любезности в восточном вкусе слишком ясно проглядывали ненависть и нетерпеливое желание отомстить и взять назад все уступленное. Грибоедов, справедливо гордясь своим успехом, не скрывал своих опасений этой отместки и, быть может, скорого возобновления войны. Но настоящая минута все же была и для него значительной; Паскевич не мог лучше выбрать вестника о мире. В феврале 1828 г. Грибоедов едет снова на север с донесениями и текстом трактата. В заключительный период жизни Грибоедов, переполненный делами и соображениями административного или дипломатического характера, казалось, не осталось даже и скромного места для творчества. Но в это время (точной даты нельзя определить) в последний раз посетило его вдохновение. Он не мог уже вернуться на путь комедии, и новый замысел его, внушенный кавказскими впечатлениями, должен был принять форму трагедии в шекспировском вкусе или, как тогда говорили, "трагедии романтической". Он назвал ее "Грузинская ночь" и, как кажется, окончил ее сполна, хотя сохранились только две сцены, да беглый очерк содержания. Сюжет был взят из грузинской жизни. Самоуправец и крепостник, старый князь в минуту каприза продал соседу сына кормилицы, верной слуги дома. На ее мольбы вернуть мальчика он отвечает гневно и изгоняет ее. Она проклинает его, идет в горное ущелье, вызывает злых духов Али. Они "плавают в тумане у подошвы гор", выступают "хороводом в парах вечерних, перед восходом печальной, девственной луны". Как Макбетовские ведьмы, они обмениваются сообщениями о зле, которое собираются совершить; кормилица требует их помощи; когда молодой русский, влюбленный в княжну, увлекает ее с собой и отец гонится за ним, духи несут пулю, направленную в похитителя, прямо в сердце дочери, отец становится убийцей любимого детища; несправедливость и произвол жестоко отомщены. Трудно сказать, насколько правды в восторженных отзывах друзей Грибоедова, утверждавших, будто в "Горе от ума" он только "попробовал свое перо", тогда как в "Грузинской ночи" вполне высказал свое дарование; дошедшие до нас отрывки все же высоко любопытны как выражение поворота в его художественном вкусе, обнаруживающее и в новом его направлении большие красоты. В раздраженном диалоге двух непреклонных противников, князя и няни, есть настоящая сценическая жизнь; появление духов и сцена заклинания окружены поэтической таинственностью. Если сравнить эти приемы Грибоедова в последнем его произведении с прежними попытками его писать, более или менее приподнятым слогом, приводившими (например, во многих стихотворениях, особенно с философским оттенком) к неумеренному употреблению славянизмов или нагромождению метафор, станет очевидным прогресс, сделанный Грибоедовым в этой области. Окончание войны, поездка в Петербург и новая деятельность, открывшаяся вслед за тем перед нашим писателем, пресекли последние порывы его к творчеству. Пришлось поставить на сцене жизни небывалую трагикомедию с кровавой развязкой. Никого не нашлось из числа дипломатов, кто сумел бы, явившись в побежденную Персию, тотчас после ее поражения, установить с тактом, знанием людей и условий жизни, правильные отношения обеих стран, кроме Грибоедова, пользовавшегося репутацией специалиста по персидским делам и творца только что заключенного договора. Несмотря на заявленное им решительнее прежнего нежелание ехать в Персию, где, как он вправе был ожидать, его всего более ненавидели как главного виновника унижения национальной чести, отказаться было невозможно ввиду категорически заявленного желания императора. Грустно прощался Грибоедов со всеми знавшими его, предчувствуя вечную разлуку. Упрочение русского

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru

влияния в Персии, предстоявшее теперь как главная задача его деятельности, уже не занимало его вовсе; он слишком пригляделся к восточному быту и складу мысли, чтобы находить живой интерес в открывшейся перед ним возможности долгого житья в одном из центров застоя, самоуправства и фанатизма. Он сознавал, что много уже поработал в этой области, и самым отрадным отдыхом снова казалась ему поездка не на Восток, а на Запад (так и оставшаяся во всю жизнь для него, как и для Пушкина, неисполнимой мечтой). Но долг внушал стойко осуществлять принятое на себя трудное дело, и новый полномочный министр не раз взвесил и обдумал, во время пути из Петербурга, политику, которой он должен следовать. Луч счастья осветил внезапно усталого душой Грибоедова в ту пору жизни, когда, казалось, все радости его покинули. Дочь его старого приятеля, княгиня Нина Чавчавадзе, которую он знал еще девочкой, очаровала его прелестью распускающегося цветка; внезапно, чуть не за семейным обедом, он сделал ей предложение и, несмотря на мучившую его лихорадку, не оставшую и во время брачного обряда, он, быть может, впервые испытал во всей силе счастливую любовь, переживая, по его словам, такой роман, который оставляет далеко за собой самые причудливые повести славящихся своей фантазией беллетристов. Когда он поправился настолько, что мог пуститься в путь, он довез жену до Тавриза и отправился без нее в Тегеран, чтобы приготовить там все к ее приезду. О нежности, которой он окружал свою маленькую "мурильевскую пастушку" (как он называл Нину; ей только что пошел шестнадцатый год), говорит письмо его к ней, одно из последних (из Казбина, 24 декабря 1828 г.), полное ласки, любви и мольбы к Богу, чтобы никогда им больше не разлучаться.

По приезде в Тегеран он сразу принялся применять к делу ту программу действий, которую себе предначертал; он желал импонировать высоко поднятым достоинством русского имени, нарушал этикет шахского двора, выказывая самому шаху возможно меньше уважения, принимая под свое покровительство то зрителя гарема, то его обитательниц, если они были из числа русских подданных и искали защиты русского посла, -- настойчиво требуя уплаты контрибуции и вообще не уступая ни в чем строптивости персиян. Все это делалось вопреки личным склонностям, из твердого сознания обязанности; но, пересиливая себя, Грибоедов слишком далеко зашел. Возбуждаемый сторонними нашептываниями, он действовал иногда вызывающим образом; этими ошибками пользовались английские дипломаты, чтобы разжигать ненависть к послу в придворных сферах; подозрения, тогда же возникшие на этот счет, в значительной степени подтверждаются документами, обнародованными за последнее время. Но ненависть поднималась еще грознее в народной массе; ее возбуждали и поддерживали духовные лица, в базарные дни фанатически проповедовавшие месть и избиение русских; вряд ли кто-нибудь из враждебных Грибоедову иностранных дипломатов в своей интриге мог сознательно опираться на дикую силу невежественной толпы, которой втолковали, что русских следует истребить как врагов народной религии. Зачинщиком восстания был тегеранский муджшехид (высшее духовное лицо) Месих, его главными пособниками -- улемы; вельможи вроде Алаяр-хана, всегданнего врага Грибоедова, были также посвящены в заговор, имевший целью напугать русских, нанести им некоторый урон, но не вызывать резни. Когда же (по показаниям самих персидских сановников) народу собралось в роковой день около 100 тысяч человек, и масса, фанатизованная проповедью, бросилась к дому посольства, руководители заговора потеряли власть над ним, и стихийная сила забушевала. Грибоедов понимал, какой опасности подвергается, и за день до смерти послал во дворец грозную ноту, заявляя в ней, что ввиду неспособности персидских властей охранить честь и самую жизнь представителей России он просит свое правительство об отзывании его из Тегерана. Но было уже поздно. 30 января 1829 г. произошло почти поголовное избиение русских (спасся лишь советник посольства Мальцов) и в особенности зверское убийство Грибоедова, чье тело найдено было в груде трупов обезображенным и изуродованным. Со всегдашней своей неустрашимостью Грибоедов поспешил спуститься к входной двери, которую пытались охранять казаки, защищался саблей, был узнан и положен на месте. Долгими дипломатическими отписками, уверениями в невинности и демонстративным отчаянием, наконец, присылкой Хосрева-мирзы в Петербург с извинениями, удалось персидскому правительству уладить снова отношения к России; это осуществилось тем легче, что, занятая турецкой войной, Россия не могла желать возобновления военных действий против другой страны. Постепенно водворялись мир и согласие, как будто ничего и не нарушало их. Не стало только великого человека... Грибоедов похоронен в Тифлисе у монастыря святого Давида, прекрасным местоположением которого он всегда любовался, выражая желание найти себе здесь могилу. Жена пережила его почти на тридцать лет. Бывают писатели, вся духовная жизнь которых, все лучшие помыслы и творческое дарование выразились в одном произведении, являющемся точно итогом их существования. В их числе одно из первых мест

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru
занимает Грибоедов. Потомство забыло его стихотворения и мелкие пьесы, о "Грузинской ночи" слишком мало знает, дипломатические труды и ученый дилетантизм Грибоедова ценит в миру, но никогда не перестанет удивляться благородству замысла, смелости сатиры и несравненному комизму "Горя от ума". В этой комедии и в переписке -- к сожалению, еще мало известной, тогда как в ней необыкновенно ярко и задушевно выступает нравственная личность писателя, -- виден на каждом шагу один из даровитейших русских людей, любивший искренно свое отечество, с симпатиями к его старине и самобытности умевший соединять сочувствие прогрессу и вражду к тем, кто "хотел бы навеки задержать народ наш в состоянии младенчества". Счастлива литература, в которой мог раздаться такой горячий и мужественный протест против зла. Сила его влияния пережила уже полвека, хотя "Грибоедовская Москва" стала совершенным анахронизмом; оно основывается на вечно правдивом, всегда понятном заступничестве за дорогие людям идеалы и не зависит от временных условий быта, как бы остроумно они ни были осмеяны; не зависит оно и от прискучивших споров о партийности Грибоедова, который сам же отвоевал себе независимое положение в литературе и обществе, -- потому что истинно великое в творчестве свободно возносится над раздорами и мелочами дня. Для современной, упавшей духом литературы неоценимым благом была бы решимость писателя "с душой" выступить с новым переложением вечной темы о "Горе от ума", столь же страстным и искренним, хотя и обращенным к новому обществу и к порочным на новый лад людям. В этом пожелании заключается, кажется, высшая похвала, которую потомок может воздать Грибоедову. -- Для истории текста "Горя от ума" ценны издания "Музейского списка", изданы В. Якушкиным, и "Жандровской рукописи", Н. Пискановым, 1912 г. Варианты из первоначальной редакции напечатаны впервые в издании Стасюлевича, "Русская Библиотека", под редакцией А. Веселовского. Собрания сочинений Грибоедова стали издаваться, начиная с 1858 (издание Евгр. Серчевского) к концу 1880-х годов; наиболее полным собранием было вышедшее под редакцией И. Шляпкина, в 2 томах, заключающая в себе всю известную тогда переписку Грибоедова; в настоящее время окончательным, по-видимому, собранием сочинений является предпринятое Разряд. Изящной Словесности Академии Наук под редакцией Н. Писканова (1-й т., 1911). Вся литература о Грибоедове до 1889 г. включительно -- в приложенном к изданию Шляпкина указателе; дополнение к нему издано Пискановым (Юрьев, 1903). Из биографической литературы: статьи А. Н. Пыпина ("Вестник Европы", 1890, I), биографический очерк Грибоедова в "Русской Библиотеке", Алексея Веселовского; его же, "Очерк первоначальной истории "Горя от ума" ("Русский Архив", 1874, VI) и "Альцест и Чацкий" ("Этюды и характеристики", 1912), биография в 1 томе Собрания сочинений, издание Писканова; биографические материалы, собранные Д. Смирновым, "Русское Слово", 1859, IV -- V; "Беседы в обществе любителей российской словесности", 1868, II; "Исторический Вестник", 1909; П. Щеголев "Грибоедов и декабристы", 1905. Лучшими разборами "Горя от ума" являются статьи Белинского и в особенности Гончарова ("Миллион Терзаний", "Собрание сочинений Гончарова", т. VII).

Алексей Веселовский.

Статья известного российского литературоведа проф. А. Н. Веселовского "Грибоедов" из "Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона" (1911--1916). Статья приведена с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Библиографическая справка

ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич (1790 или 1795 ? -1829), русский писатель и дипломат. В 1826 находился под следствием по делу декабристов. В 1828 назначен послом в Персию, где был убит персидскими фанатиками. В комедии в стихах "Горе от ума" (1822-24, поставлена в Москве в 1831, издана 1833) конфликт между "либералом" (близким к декабризму) и фамусовским обществом (поклонение чину, богатству, власти) предстает как борьба за права и достоинство личности (в т. ч. и национальное). Многие образы стали нарицательными, отдельные стихи -- поговорками и крылатыми словами.

* * *

ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич [4(15) января 1790, по др. сведениям 1795, Москва -- 30 января (11 февраля) 1829, Тегеран], русский писатель, дипломат.

Образование.

Принадлежал к дворянскому роду, получил серьезное домашнее образование. Рано обнаружилась многосторонняя одаренность Грибоедова, включая композиторский талант (известны 2 вальса для фортепиано). Обучался в Московском университетском

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru благородном пансионе (1803), затем поступил в Московский университет (1806). Окончив словесное отделение со званием кандидата (1808), Грибоедов продолжал заниматься на этико-политическом отделении. Один из самых образованных людей своего времени, Грибоедов владел французским, английским, немецким, итальянским, греческим, латинским языками, позднее освоил арабский, персидский, турецкий языки.

Служба. Петербург.

С началом Отечественной войны 1812 года Грибоедов оставляет ученые занятия и вступает корнетом в московский гусарский полк. Военная служба (в составе резервных частей) свела его с Д. Н. Бегичевым и его братом С. Н. Бегичевым, ставшим близким другом Грибоедова. Выйдя в отставку (начало 1816), Грибоедов поселяется в Петербурге, определяется на службу в коллегию иностранных дел. Ведет светский образ жизни, возвращается в театрально-литературных кругах Петербурга (сближается с кружком А. А. Шаховского), сам пишет и переводит для театра (комедии "Молодые супруги", 1815, "Своя семья, или Замужняя невеста", 1817, совместно с Шаховским и Н. И. Хмельницким, и др.). Следствием "пылких страстей и могучих обстоятельств" (А. С. Пушкин) явились резкие перемены в его судьбе -- в 1818 Грибоедов назначен секретарем русской дипломатической миссии в Персию (не последнюю роль в этой своего рода ссылке сыграло его участие в качестве секунданта в дуэли А. П. Завадского с В. В. Шереметевым, закончившейся гибелью последнего).

Персия и Кавказ. История создания комедии "Горе от ума".

После трех лет службы в Тавризе Грибоедов перевелся в Тифлис к главноуправляющему Грузией А. П. Ермолову (февраль 1822). Там были написаны 1 и 2 акты "Горя от ума", их первым слушателем стал тифлисский сослуживец автора В. К. Кюхельбекер.

Весной 1823 Грибоедов отправляется в отпуск. В Москве, а также в имении С. Бегичева под Тулой, где он проводит лето, создаются 3 и 4 акты "Горя от ума". К осени 1824 комедия завершена. Грибоедов едет в Петербург, намереваясь использовать свои связи в столице, чтобы получить разрешение на ее публикацию и театральную постановку. Однако вскоре убеждается, что комедии "нет пропуску". Через цензуру удалось провести лишь отрывки, напечатанные в 1825 ф. В. Булгаринным в альманахе "Русская Талия" (первая полная публикация в России -- 1862; первая постановка на профессиональной сцене -- 1831). Тем не менее грибоедовское творение сразу стало событием русской культуры, распространившись среди читающей публики в рукописных списках, число которых приближалось к книжным тиражам того времени (распространению списков содействовали декабристы, рассматривавшие комедию как рупор своих идей; уже в январе 1825 И. И. Пущин привез Пушкину в Михайловское список "Горя от ума").

Шедевр русской классики.

Успех грибоедовской комедии, занявшей прочное место в ряду русской классики, во многом определяется гармоничным соединением в ней острозлободневного и вневременного. Сквозь блистательно нарисованную картину русского общества преддекабристской поры (будоражащие умы споры о крепостничестве, политических свободах, проблемы национального самоопределения культуры, образования и пр., мастерски очерченные колоритные фигуры того времени, узнаваемые современниками и т. д.) угадываются "вечные" темы: конфликт поколений, драма любовного треугольника, антагонизм личности и социума и др. Одновременно "Горе от ума" -- пример художественного синтеза традиционного и новаторского: отдавая дань канонам эстетики классицизма (единство времени, места, действия, условные ампула, имена-маски и пр.), Грибоедов "оживляет" схему взятыми из жизни конфликтами и характерами, свободно вводит в комедию лирическую, сатирическую и публицистическую линии.

Точность и афористическая меткость языка, удачное использование вольного (разностопного) ямба, передающего стихию разговорной речи, позволили тексту комедии сохранить остроту и выразительность; как и предсказывал Пушкин, многие строки "Горя от ума" стали пословицами и поговорками ("Свежо предание, а верится с трудом", "Счастливые часов не наблюдают" и т. д.).

Под арестом и следствием.

Осенью 1825 Грибоедов возвращается на Кавказ, однако уже в феврале 1826 вновь оказывается в Петербурге -- в качестве подозреваемого по делу декабристов (оснований для ареста было немало: на допросах 4 декабриста, в т. ч. С. П. Трубецкой и Е. П. Оболенский, назвали Грибоедова среди членов тайного общества;

Александр Сергеевич Грибоедов об авторе griboyedov.ru в бумагах многих арестованных находили списки "Горя от ума" и пр.). Предупрежденный Ермоловым о предстоящем аресте, Грибоедов успел уничтожить часть своего архива. На следствии он категорически отрицает свою причастность к заговору. В начале июня Грибоедова освобождают из-под ареста с "очистительным аттестатом".

Дипломатическое поприще.

По возвращении на Кавказ (осень 1826) Грибоедов принимает участие в нескольких сражениях начавшейся русско-персидской войны. Достигает значительных успехов на дипломатическом поприще (по словам Н. Н. Муравьева-Карского, Грибоедов "заменил... единым своим лицом двадцатитысячную армию"), готовит в т. ч. выгодный для России Туркманчайский мир. Привезя в Петербург документы мирного договора (март 1828), получает награды и новое назначение -- полномочным министром (послом) в Персию. Вместо литературных занятий, которым он мечтал посвятить себя (в его бумагах планы, наброски -- стихи, трагедии "Родамист и Зенобия", "Грузинская ночь", драма "1812-й год"), Грибоедов вынужден принять высокую должность.

Последние месяцы.

Последний отъезд Грибоедова из столицы (июнь 1828) был окрашен мрачными предчувствиями. По пути в Персию он на некоторое время останавливается в Тифлисе. Вынашивает планы экономических преобразований Закавказья. В августе женится на 16-летней дочери А. Г. Чавчавадзе -- Нине, вместе с ней отправляется в Персию. В числе других дел российский министр занимается отправкой на родину плененных подданных России. Обращение к нему за помощью двух женщин-армянок, попавших в гарем знатного персиянина, явилось поводом для расправы с деятельным и удачливым дипломатом. 30 января 1829 толпа, подстрекаемая мусульманскими фанатиками, разгромила русскую миссию в Тегеране.

Русский посланник был убит.

Грибоедова похоронили в Тифлисе на горе Святого Давида. На могильной плите -- слова Нины Грибоедовой: "Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?".

М. К. Евсеева

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://griboyedov.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!